

ИСКУССТВО НАШИХ ПРЕДКОВ

Немало страниц научной и научно-популярной литературы было посвящено уникальной находке — всемирно известному Амударьинскому кладу.

Лишь совсем недавно новые открытия ученых-археологов на юге Таджикистана смогли окончательно убедиться, что Амударьинский клад, большая часть находок которого хранится ныне в Британском музее Лондона, не что иное, как предметы сокровищницы храма Окса (греческое название Аму-Дарьи) на городище Тахти-Сангин.

Наверное, не продали бы местные жители золотые находки клада в 1877 году, если бы знали, какую ценность представляли обнаруженные ими древние изделия: браслеты, кольца, перстни, сосуды, монеты, — и не попали бы они так далеко на запад, в Англию.

Целых сто лет не могли их увидеть в стране, где они были обнаружены, и только в 1977 году сокровища Амударьинского клада смогли порадовать своей неповторимой красотой и виртуозностью исполнения гостей и жителей городов Ленинграда и Москвы, где в Эрмитаже и в Музее изобразительных искусств им. Пушкина были экспонированы древние находки, продемонстрировавшие искусство ювелиров IV–II вв. до н. э.

Надо сказать, что золотые изделия в таком количестве, как Амударьинская находка на территории Центральной Азии, большая редкость. Всего было обнаружено 220 золотых изделий и 1300 монет V–III вв. до н. э., отчеканенных в Греции и Малой Азии, в ахеменидском Иране и в государстве Селевкидов.

История клада похожа на детективную повесть. Поначалу находки приобрели у местных крестьян бухарские купцы Вази-ад-Дин,

Гулям Мухаммад и Шукер-Али; они мечтали продать золотые изделия в Индии на антикварном рынке в городе Равалпинди, однако были ограблены гильзаами (племена в Афганистане). И все-таки сокровища ненадолго вернулись к купцам, но навсегда были потеряны для Центральной Азии, а помог им в этом английский офицер Ф. Бартон.

Большую часть предметов скупил у купцов О. Фрэнкс, хранитель отдела британских и средневековых древностей Британского музея, находившийся в тот период в Индии (впоследствии передал свою коллекцию в дар музею).

Первые сообщения в печати прошлого столетия вызвали огромный интерес к этой уникальной находке — не только в Англии, но и в России, где были опубликованы первые гипотезы о происхождении клада, его принадлежности, о назначении золотых изделий.

Полную публикацию Амударьинского клада осуществил О. Дальтон, хранитель сокровищ Окса в Британском музее Лондона. Этот бесценный труд был издан трижды — в 1905, 1926 и 1964 годах. Только спустя 15 лет после экспонирования амударьинского золота в бывшем СССР в Ленинграде выходит достойный лондонского издания каталог, составленный известным в нашей стране востоковедом Е. Зеймалем, сотрудником Государственного Эрмитажа.

Археологические раскопки, проводимые в последнее время на юге Таджикистана И. Пичикином, открытия экспедиций новых памятников позволили считать гипотезу доктора исторических наук востоковеда Б. Ставиского о том, что клад «Окса» происходит с городища Тахти-Сангин, неопровержимым фактом. «Разноликость» вещей свидетельствует об их жертвенном назначении в храм, где, как свидетельствуют памятники (например, Ай-Ханум в Афганистане), при храме существовали сокровищницы, в которые попадали разнообразные пожертвования от населения — и не только местного.

Сейчас известно, что храм Окса был построен не позднее III в. до н. э. и существовал, перестраиваясь и реконструируясь, до III–IV вв.

Дары и пришедшие в ветхость украшения самого храма сваливались на пол отдельных помещений, а затем замуровывались. Общее

число находок уже превышает 5000. Выставки, организованные в Швейцарии и Германии, собрали воедино находки Тахти-Сангина из Британского музея и из фондов Института истории, археологии и этнографии Таджикистана, но, увы, ненадолго: часть сокровищ вернётся в Лондон, другая в Душанбе.

Ещё О. Дальтон разделил обнаруженные изделия на семь групп, включающих круглую пластику, сосуды, монеты, различные мелкие предметы, пластины и наконец, украшения: кольца, браслеты, гривны, изделия с рельефными изображениями, многие из которых поражают высокопрофессиональным мастерством исполнения, техническим совершенством, изысканным вкусом.

В те далекие от нас времена, когда были созданы эти предметы, южная территория Таджикистана входила в состав древней удивительной страны Бактрии, неповторимой и до сих пор очень загадочной. Древняя страна с высокой культурой на правах одной из сатрапий входила в состав Ахеменидской державы (середина I тыс. до н.э.). В IV в. до н.э. Бактрия была завоёвана Александром Македонским, а вскоре после его смерти захвачена Селевкидами. К середине III в. до н.э. восстание Диодота привело к созданию самостоятельного Греко-Бактрийского царства, названного «страной тысячи городов». Со временем его границы распространились вплоть до северо-западной Индии. Однако спустя столетие в Бактрию вторглись нахлынувшие из-за Сырдарьи полукочевые народы — средневековые скифы-саки, а затем и юэджи, вытеснившие их и осевшие здесь во второй половине II в. до н.э.

Храм Окса пережил все эти исторические события, и потому в его сокровищнице встречаются изделия, датируемые IV–II вв. до н.э., иногда так не похожие между собой и далекие друг от друга.

Известно, что Бактрия была богата серебром и золотом, а потому при сокровищнице храма, очевидно, работали и ювелиры, изготавливающие подношения в храм из драгоценных металлов, чаще всего из золота.

Среди предметов клада обращают на себя внимание золотые пластины с изображениями шествующих мужчин, иногда женщин.

Несмотря на то, что фигуры порой переданы стилизованно, этнический тип и одежда показаны чрезвычайно достоверно. Это бактрийцы и персы, вооруженные короткими мечами-акинаками или луками. В руках они держат пучки священных прутьев — *барсом*; профильное изображение свидетельствует об их движении к определённой цели, то есть, очевидно, к алтарю для совершения жертвоприношения. Эти бесценные памятники — источники изучения не только определённого уровня культуры и искусства древних, но и этнографии, истории и идеологии наших предков. В целом же акт подношения подобных золотых пластин является персонификацией заказчика в лице донатора.

Две небольших золотых головки из клада, например, напоминают наверхия антропоморфных сосудов известных в искусстве этрусков. Дальтон отмечал, что лицо одной из голов напоминает круглоголовых обитателей Памира и Припамирья.

Ярким памятником клада является удивительный эгрет — украшение мужского головного убора в виде льва-грифона, весь образ которого несёт в себе идею мощи, силы, неустранимости. Фантастическое животное с раскрытой пастью и подогнутыми ногами, готовое броситься на любого врага.

Другой пример — мощный плечевой браслет, концы которого украшены устрашающими головами фантастических животных в виде хищной птицы, — поражает техническим совершенством и мастерством. Вес его — 395.2 г, ширина браслета 11.8 см; это позволяют считать его украшением мужчины-воина.

Приведённые памятники демонстрируют не только разнообразие подношений храму, но и несут в себе много другой информации, не говоря уже о художественной стороне изделий и их ценности.

И если попытаться реконструировать исторические моменты того времени, то получится примерно следующее... Изнурённые походом воины приблизились к храму Окса. Те, кто имел золотые украшения, снимали их, входя в храм, и несли на алтарь, думая при этом о скорейшем возвращении на родину, где семья ждёт, когда кончится долгий поход... Или — вот женщина, изображённая на пластине в длинном

платье; она пришла сегодня в храм со слитком золота и, обратившись к ювелиру, просит изготовить пластину, где будет изображена она, просящая о ниспослании ей долгожданного потомства; получив вскоре пластину, женщина кладёт её на алтарь, а вечером служащие храма собирают подношения и несут их в сокровищницу... Глубокое и детальное изучение всех памятников прошлого позволяет лучше понять не только древнюю историю, но и сегодняшние события.

Трудно переоценить значение художественных изделий Амударьинского клада для суждения об искусстве Центральной Азии IV–II вв. до н. э., что особенно проявляется на фоне наших слабых знаний о других видах художественного творчества этого периода.

Амударьинский клад в целом — это свидетельство широких связей, существовавших в древности между народами, населявшими территорию Таджикистана, народами Передней Азии, Средиземноморья, и не только их.

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ТАДЖИКОВ

История ювелирного искусства насчитывает несколько веков своего существования на территории Таджикистана, о чем красноречиво свидетельствуют археологические находки в южных областях республики — из могильников и на городищах Тахти-Сангин, Ксиров, Душанбе, Саксонахур, Ляхш.

Ярким памятником древнего ювелирного искусства Центральной Азии является известный так называемый Амударьинский клад, часть сокровищницы храма Окса (греческое название Амударьи), обнаруженный в XIX веке в русле обмелевшей реки. Изделия клада в целом поражают высоким профессиональным мастерством исполнения, техническим совершенством, изысканным вкусом.

К периоду IV–VI вв. относятся не менее значительные находки с севера Таджикистана: фрагмент гривны (золото, коралл) из Курката, находки Калаи-кахкаха, Пенджикента и так называемый Калаибаландский клад XIII в. О популярности ювелирных украшений в жизни таджикского народа, в особенности женского населения, повествуют этнографические исследования, например, работа ученого-этнографа Л. Чвырь «Таджикские ювелирные украшения», ставшая настольной книгой для широкого круга как в науке, так и в практике работы современных ювелиров.

Если древние изделия отличает большая свобода в выборе тем и художественных образов и достаточно яркое их воплощение, то для средневековья, особенно позднего, характерны сдержанность, лаконизм, минимум выразительных средств. Технические приемы упроще-

ны, вставки служат лишь декоративным оформлением формы, однако несут в себе определённый символический и магический смысл: бирюза — надежда, чистота, целомудрие; жемчуг — плодородие, благоденствие, и т. д.

Более поздние украшения имеют крупные формы, изобилие декора в сочетании с разнообразными техническими приёмами: зернь, скань, штамп, ковка и другие. Однако бывает, что не всегда удачно найдена линия, формы утяжелены, массивны, перенасыщены отделкой, хотя встречаются изящные изделия — например, золотые серьги-кафаси бухарской работы из фондов Музея этнографии Таджикской Академии Наук.

Каждое украшение имело, прежде всего, магическое, защитное (охранительное) назначение, и указывало не только на социальную принадлежность, но и на возраст, этнический тип и пол носящего. А декоративные элементы служили своеобразными «буквами», благодаря которым прочитывался более глубокий смысл изделия. Особая функциональная роль украшений была связана, прежде всего, с переходными обрядами. Их в первую очередь использовали для особо торжественных случаев — коронования, присвоения воинского звания, похорон, свадеб. Археологические раскопки доказали, что существовали комплекты украшений, используемые в разнообразных жизненных ситуациях. Средневековые ансамбли можно увидеть лишь на сохранившихся монументальных росписях, ансамбли XVIII–XIX вв. дошли в искажённом виде: нескольких свадебных ансамблей и наборов ювелирных изделий, надеваемых в связи с изменениями в жизни женщин (рождение ребенка, похороны и др.).

В фондах музеев чаще всего хранятся отдельные разрозненные составные элементы бывших ансамблей, и очень важно их обнаружить и объединить не только при экспонировании, но и в значительной степени для глубокого изучения их особенностей, для дальнейшей реконструкции и возрождения.

Определённой удачей в этом направлении можно считать работы художников-ювелиров В. Иванова и И. Иванниковой, чьи изде-

ля снискали себе успех не только в Таджикистане, но и далеко за его пределами.

Глубоко осознавая философию творчества прошлого, современные ювелиры привносят в национальные украшения осмысление нового времени. Главной заслугой художников является создание ансамблей ювелирных украшений — той единой системы, которая всегда была присуща данному виду искусства. Утрата связей с истоками культуры, ношение изделий порознь, привело к распаду ансамблевой системы. Изменение же социального характера повлекло за собой активное использование только серёг, реже браслетов, ожерелий, колец, которые ранее были объединены не только внутренней идеей, формой и элементами, но и линией, декором, техническими особенностями. Свадебные ансамбли В. Иванова и И. Иванниковой положили начало новому ансамблевому решению ювелирных изделий традиционного толка, национальные по духу и ощущениям.

Учитывая современную моду, мастера создали отдельные разработки *бозубандов* — амулетов-кулонов, серёг самых разнообразных направлений и форм, а также браслетов и ожерелий. Однако ведущей и главной темой художников остается ансамбль с его глубокой идеей, насыщенностью содержания, единством целого. И никто лучше мастера не проанализирует его изделие, поэтому приведем высказывания самих художников-ювелиров о своей работе: «в основу комплексов заложены определённые принципы числовой и цветовой символики. Поэтому весь комплекс украшений надо рассматривать как единое украшение, состоящее из трех компонентов: металл, камень, человек.

Все фигуры геометрии начинаются из точки, все числа восходят из единицы, и все они являются различными видами единицы. Единицу тоже можно представить точкой. Первое число даёт начало второму, первая фигура от точки — линия. Каждый из этих элементов в своем изначальном отсчете качественно отличается от другого, точно так же, как и первые мгновения своего существования, жизнь не имеет четко выраженных национальных черт, они проявляются лишь в дальнейшем. Это основа, исходя из которой шел поиск в создании украшений.

Из сочетания изначальных элементов возникают символы. Так, вертикальное изображение включает в себе активное начало, горизонтальное — пассивное. Первое число реальности — три, первая фигура — треугольник, все последующие числа и фигуры есть только комбинация предыдущих... Украшения отчасти выполняют роль связующих звеньев, неравномерно соединяющих какие-то части жизненного пространства».

Попытки соединения найденных решений в металле должны сочетаться с костюмом, представляя собой единое целое. Эти попытки имели определённый успех: были созданы гармоничные сочетания с одеждой из белого карбоса, коллекцию которой разработала художник-модельер Р. Зудерман.

Ведутся поиски новых взаимоотношений с модельерами, готовыми сотрудничать с ювелирами над созданием комплектов — коллекций ювелирных ансамблей и костюма. Если первые работы В. Иванова и И. Иванниковой были выполнены в мельхиоре, то позже перевод найденных решений в серебро повысил художественно-эстетическую и материальную ценность изделий. Использование драгоценных камней дополняет общее значение украшений, обогащая их внутренний смысл.

На просмотре новых работ таджикских модельеров и ювелиров в Союзе Художников Таджикистана в 80-х годах прошлого столетия демонстрировались изделия ювелиров В. Иванова и И. Иванниковой. Каждая их работа отличалась высоким мастерством, прекрасным вкусом, глубокими знаниями истории таджикского ювелирного искусства и этнографии.

Виталий Иванов приехал в Душанбе в конце 1970-х годов. Все годы упорного труда и творческих поисков привели его к созданию (совместно с ювелиром Ириной Иванниковой) ряда ювелирных изделий, выполненных на основе таджикских национальных украшений. Работа ювелира не из легких, сам труд очень кропотлив и требует огромных знаний и тонкого художественного вкуса. А как трудно найти металл, с которым работают ювелиры, камни для того, чтобы украсить изго-

тавливаемые изделия! Существует и ещё масса других проблем, с которыми приходится сталкиваться художникам, а руки и сердце жаждут работы и творчества. И преодолевая все трудности, они творят и рожают произведения искусства, не похожие друг на друга. При беглом осмотре браслетов, бозубандов, ожерелий, серёг, изготовленных Ивановым и Иванниковой, бросается в глаза изящество линий, тонкое чувство цвета в применении разнообразных камней (коралла, бирюзы), многообразие техник, которыми владеют ювелиры: зернь, штамп, чернение, филигрань.

Известно, что ещё первобытный человек, живший на территории Центральной Азии, изготавливал примитивные украшения из кости, камня, позднее — металла. Значит, уже тогда человеку хотелось создавать красоту.

Ювелирное дело — один из древнейших видов декоративно-прикладного искусства на земле. И мы не имеем право забывать его. Надо бережно относиться к памятникам ювелирного искусства и тщательно их изучать. Но, к сожалению, в 1980-х гг. этот вид искусства был не особенно популярен. Иванов и Иванникова пошли путём изучения и отбора лучших образцов древних мастеров. Поэтому их ранние работы, в которых заметно следование сохранившимся образцам, оправдывают себя. С годами мастерство обоих крепло; появилась своя, особая манера исполнения. Не случайно именно им были заказаны ювелирные украшения для героев фильма «Сегодня и всегда» в постановке режиссера М. Касымовой на киностудии «Таджикфильм»

К сожалению, в начале 1980-х судьба изделий художников-ювелиров оставалась незавидной, и вот почему. В художественном салоне города многие мастера декоративно-прикладного искусства выставляют свои произведения, и демонстрация их покупателям находилась не на должном уровне. Особенно неудачно были представлены ювелирные изделия: за глубокими затемнёнными витринными стеклами трудно было рассмотреть миниатюрные предметы. Может быть, именно поэтому так низок был покупательский спрос на них. Думается, что яркая подача изделий послужила бы стимулом их распродажи.

Восточная пословица гласит: «Пока на земле жива хоть одна женщина, мастерство ювелира не умрёт». Но в 1980-х годах представителей этой редкой и древней профессии становилось все меньше и меньше.

Уже тогда стоял вопрос о принятии мер по возрождению ювелирного искусства через помощь мастерам, которые начали постигать секреты нелёгкого мастерства (Х. Хусейнова, И. Якубов, И. Иванов, И. Иванникова). Можно только приветствовать, что в то время эта небольшая группа столичных ювелиров взялась за возрождение древнего ремесла, в котором сплелись воедино история таджикского народа, ее традиции и культура.